

АСКАД МУХТАР * СЛЕД РУКИ

Книга стихов

Ташкент

Издательство литературы и искусства имени Гафура Гуляма
1980

Художник *А. Бобров.*

© Издательство литературы и искусства имени Гафура Гуляма, 1980 г. (стихи, отмеченные в содержании знаком*)

ДЕНЬ

Все было так обычно. День как день.
Мы просыпались на рассвете раннем,
росла и укорачивалась тень,
и солнце шло к земле,

листву тараня.

И начинались с самого утра
обычные, привычные заботы.
Завод работал, пущенный вчера,
и новых строек

высились заборы.

Смеялись дети;

приземлялись ТУ,

из облаков выныривая книзу,
и снова набирали высоту,
как новую,

нечитаную книгу...

День был как день.

Такой же, как тогда,
когда,

презрев пустые предреканья,
взлетела в небо

первая звезда,

людскими сотворенная руками;
или когда ушла ракета вверх —
и, звездное пронзая мельтешенье,
вернулся с неба

первый человек,

земное одолевший притяженье...

Был этот день обычным нашим днем.

Минуты шли — и так казались мелки!

Но все события умещались в нем,
как в лучшем платье,

сшитом без примерки.

Дней нашей жизни — сколько их прошло!
И знаю я: их главная примета —
не то четырехзначное число,
которому в строке

не хватает места;

ведь труд

на каждом оставлял рубец!

И, в завтрашнем своем души не чая,
был каждый день — невиданный рубеж,
был каждый день итогом —

и началом...

И каждый, утро начиная здесь,
готов был к полдню

в прошлом очутиться,

и в каждом

наших пламенных сердец

мы оставляли малую частицу!..

День был как день.

Такой же, как всегда.

Его

из повседневности, из яви,

из самого обычного труда,

как монумент эпохе,

изваяли.

СЛЕД РУКИ

След руки человеческой незрим, невесом,
но ему не опасны

разверстые хляби.

Этот след навсегда сохранится на всем —
на железе,

на камне,

на хлопке,

на хлебе.

И какое бы время ни протекло,
из какой бы ни выплыл неведомой дали,
сохранит он

руки сотворившей

тепло.

И его через головы смерти подарит.
Начинается дружба с пожатья руки.
На прощание другу

мы машем рукою.

Заплываем, теченью реки вопреки —
и, рукой загребая,

мы спорим с рекою.

Угрожая врагу, мы сжимаем кулак.

И, пожалуй, сильнее оружия нету!

Да и мир представлять научились мы так:
пять скрестившихся рук —

это пять континентов.

За иль против решает умолкнувший зал —
он поднятием рук

приговор обозначит.

Настоящий убийца не прячет глаза —
он лишь руки,

лишь руки нелгущие прячет!

Ты рукой закрываешь лицо от беды,
чтобы страшное чуть отдалить приближенье;

только если б и вправду мне верила ты —
ты мне руку и в счастье б дала,

и в лишениях...

Это миф, что держался наш мир на быках,
на китах, на слонах
или сваях предвечных...

Это миф, что держался наш мир на богах!

Он держался всегда

на руках человеческих!

Так останется, сколько веков ни пройдет.

Только руки

лениво не прячьте вы в брюки.

И поймите, что мир упадет, упадет,

если хоть на мгновение

опустим мы руки!

ВСЕ НА СВЕТЕ ИМЕЕТ МЕРУ

Все на свете имеет меру:
каждый труд,
каждый плод и сад.

Лишь поэзия не умела
строки взвешивать
на весах,
То печальною, то веселой,
работящая, как пчела,
неизмеренной, невесомой
она в души людские шла.
Не считала, подобно прочим,
высока ли она,

длинна...

Не нужна ей была жилплощадь —
просто площадь
была нужна!

Чтоб, взметнувши себя, как знамя,
выше зданий,

веков

и вех,

полной мерой она познала
всю свою высоту
и вес...

КОСТЕР

Звезды высокое свечение.
Закат свершился.
Слух остер.
Вот в этот час
                                ежевечерне
я зажигаю мой костер.
Сперва в золу седую дую,
остывший пепел ворошу.
Потом над углями колдую,
и властвую,
                                и ворожу.
Огня неслышимая скорость
рождает
                                пляшущую тень,
и я подбрасываю хворост,
накопленный
                                за долгий день.
Людей,
                                дома,
                                деревья,
                                камни
я вовлекаю в странный ритм.
Костер живыми языками
со мной до утра говорит.
Погасло пламя. Звезды низки.
И я поверить не могу,
что не найду под пеплом искры
и вновь
                                костер не разожгу.

В ВАГОНЕ

С зарею встанешь. Поглядишь в окно.
Все за окном
неведомо и сине.
Вагон трясет,
  и столбик, точно гном,
подпрыгнув,
  в тени прячется косые,
Забывтый сон, как сор,
рукой смахнешь.
Ночь позади.
  Давно ли с днем прощались?
И снова день!..
  Пока ты спал, сквозь ночь,
как сквозь тоннель,
  ты с поездом промчался.
Что ночь в вагоне? Тьма и тьма в окне!
Подушку взбить и сном забыться мирно...
Но сколько станций,
  станций и огней,
пока ты спал,
  в ночи мелькнуло мимо!

ТИШИНЫ!

Я хотел бы такой тишины,
чтобы слышать, как полнятся соты,
как из черной земной глубины
по стволам поднимаются соки,
как весенняя ветка поет,
отряхая холодные росы,
и пчела

        свой душистый паек
получает
у стонущей розы.
Я хотел бы такой тишины,
чтобы мысли звучали, как речи;
чтоб из звездной немой вышины
слышать поступь мечты человеческой.
Я хотел бы такой тишины,
чтоб над ширью необозримой
больше не были людям слышны
стоны смерти,
и залпы,
и взрывы...

КАК ЗАКОН ТЯГОТЕНЬЯ

Как закон тяготенья всемирного
утверждает
планету в просторе,
так и нас,
не казня и не милюя,
той же силой связует
  простою.

Кто собою самим пробавляется,
промелькнет —
  и забыт в одночасье!..

Кто-то счастлив — и мне прибавляется
беспричинная толика счастья,
Чье-то горе по городу рыскает —
сердце горестно
  шаг умеряет.

С чьей-то смертью, далекой и близкою,
и частица меня
  умирает...

УПАЛО ЯБЛОКО

Упало яблоко, сорвавшись с ветки.
Все соки жизни за лето вобрав,
пронизанное свежестью и светом,
упало с ветки.
С высоты — во прах.
И в тот же миг, спустя секунду ровно,
ему,
еще прекрасному пока,
уже вонзала тощая ворона
нечистый клюв
в нежнейшие бока.
Расковыряла кожу сначала,
полезла вглубь,
кромсая и черня...
Красы его она не замечала —
она искала в яблоке
червя.

* * *

Чьи-то судьбы примеривши к нашей,
мы подчас забываем одно:
счастье кажется легкой ношей,
только тяжело
дается оно.

Урожай — от зерна, от побега —
сколько требует мук и воды!
Так и счастье —
всего лишь победа
над какою-то частью беды.

Счастье кажется легкой ношей...
Мы от истины недалеко.
Ведь недаром, в беспечности нашей,
мы к нему привыкаем легко.

Счастья годы — как белые горы,
что над нами сияют в пути.
Горе — камни дорог,
по которым,
не калечась, не можем пройти.

ПЕСНЯ

И снова песня улетает ввысь,
голубизне сродни
высоким ладом.

Слова ли эти в небе родились,
мотив ли от рожденья был крылатым?
Она доходит к нам из старины,
всех мудрых фраз

понятней и скорее.

Слова ль ей вечно юные даны,
мелодия ль живет в ней,

не старея?

Слепа любовь, и ненависть слепа.

Так что же в песне так нам важно,
что там —

звонящие сквозь музыку слова,
силками строчек пойманные ноты?

Иль, может быть, от века им дано
существовать не музыкой, не речью,
а только так вот,

слившимся в одно —

как две души

в неповторимой встрече?

* * *

Не все в стихах должно быть просто,
чтоб на ходу прочел —

и вник,

и пересказывалось прозой
поэтом вложенное в них.

И древен способ их, и молод:
откинув некое звено,
поэзия,

из недомолвок

ты давишь терпкое вино.

И скромн облик их, и дерзок:
опровергая здравый суд,
поэзия,

из передержек

свою ты извлекаешь суть.

И не заносишься спесиво;
чудная — пусть!

хмельная — пусть!

Где трезвой мысли не под силу,
ты к нам прокладываешь путь.

Страницы белые памяти,
но к ним спешим

прижать уста,

когда становится понятна
твоя простая правота.

ВОДОЕМ

Так явственно в нем отражен
горящий янтарь винограда,
и вьющейся розы ограда
волшебным горит витражом.
И дивен айван деревянный —
и зыбкости ясен урок,
когда отраженье айвана
коварный качнет ветерок.
И, словно любясь собой,
всё смотрит сюда

в отрешеньи...

Ужели и впрямь отраженье
прекрасней природы самой?
Иль тянет с того нас сюда,
подобно строеньям и листьям,
что так этот суд бескорыстен,
так пристальна тут
чистота?..

Выигрывает стих от повторенья :
традицией
становится строфа.
Не с первого следа — от проторенья
родится
настоящая тропа.
Не вспыхнет дружба от единой встречи ;
и, речь чужую сиясь покорить,
и в первый раз,
  и во второй,
  и в третий
ее слова должны мы повторить.
И долгий опыт, что в столетьях добыт,
всю мудрость мыслей, навыков и фраз —
и в малой части этот вечный опыт
мы не освоим за единый раз.
И ты
черты
любимого творенья
придашь не раз
  созданиям дорогим...
И лишь одно не терпит повторенья :
та жизнь,
  что кем-то прожита другим.

УТРО НА ДЖЕЙЛАУ

Слышишь, милая? Рядом присядь...
Нам одним
эту рань даровали!
Можно вечности вызов бросать
в этом утреннем очарованьи.

Вон чабанских костров караул
серым светом сменяется немо —
догорающий саксаул
горсти искорок выметнул в небо.

Остывающий месяц устал
и повис золотой головою,
и тяжелые топоты стад
из потемок
не вышли на волю...

Как невысказано дали близки!
Это утро подобно дастану,
где движеньем простертой руки
я до самого неба достану.

Облака ли нисходят к виску?
Чья-то нежность тоскует живая?..
Шевельнись — и заденешь звезду,
и уронишь на скатерть джейлау.

С каждым мигом — светлей и светлей.
И над самой твоей головою
оппадают светила с ветвей
и пространство растет голубое.

Входит ржанье в шатер голубой.
Что-то странное в сердце творится.
Повторится и грусть, и любовь —
утро это вот

не повторится.

Нам пока далеко до седин
по дороге крутой —
и пологой...

Посидим же еще, посидим —
и надышимся перед дорогой.

А слева тоже слушатель.
Простак!
Как он сидит, задумавшись, устало,
не зная нот, не ведая устава
сей братии!

Безмолвно. Просто так.
А может, и не слушает совсем,
а что-нибудь свое припоминает
и думает,
как быстро жизнь минует —
вот молод был, а вот уже и сед.
И сколько в жизни прожито всего,
но все-то в ней исполнено значенья,
и было где-то
тихих вод теченье,
и тишина, и спящее село,
и роковая безысходность слов,
и свет луны, жестокий и печальный,
почти-почти исполненный звучанья —
взамен всего,
чему идти на слом...

А эрудит, как лошадь на скаку,
все машет гривой,
важно и сердито!..
Спаси меня, аллах, от эрудита,
отдай на суд
такому простаку.

и памятник солдатам неизвестным
над площадью,
пустой еще,

встает.

И кажется, что он стоит на страже
здесь,

на границе света и ночей,
и этим спящим улицам не страшен,
пока он здесь,
злой умысел ничей.

Покуда тени залегли не резко,
сдается мне, что в каменном строю
фигуру пограничника из Бреста
я в этих строгих гранях узнаю...

А скольких люди
в камне том помянут!

И он стоит
в преддверьи сером дня...

И пять иль шесть бездельников помятых
ладони тянут,

греясь у огня.

И вижу я: по всей земле,
повсюду,
где факелы над прахом зажжены,
шумят ораторы и бьют посуду
в честь тысяч тех,

кто не пришел с войны.

Весь механизм наживы обнаружив,
Чьи ремни лишь слепому не видны,
толпа дельцов торгует вновь оружием
под флагом тех,

кто не пришел с войны.

И сотням сочинителей негордых,
чьи опусы в журнал помещены,
шлют гонорар за сладенькие оды
во славу тех,

кто не пришел с войны.

В честь горняков, обвалом погребенных,
в честь моряков, кого отпел прибой,
в честь летчиков, поэтов и ученых,
пожертвовавших некогда собой.

И в этом вот рассветном сером часе

я сопричастен истине простой,
что делится на две неравных части
весь миллионоликий

род людской.

Идут одни на труд, на смерть, на муки,
собою мир от краха заслоня.

Другие же — спокойно греют руки
у их живого,

вечного огня.

* * *

Ночь коротка — как восклицанье.
И мир, что мучился и рос,
за этот малый срок
с лица не
успел стереть

морщин и слез.

И все, что было, все, что было,
как на исписанном листе,
всей повестью тоски и пыла
вновь проступило
на лице.

Светает. Медленно светает.
Мелькают тени на снегу.
И ветер прошлое сметает
и отмыкает

синеву.

* * *

Идет великая вода
и гонит рыжих волн ораву.
Аму торопится к Аралу:
ей цель великая видна.
И разве в том ее вина,
что это
где-то
не по нраву?..
Аму торопится к Аралу —
и в этом вся она,
сполна.
Срывает к черту берега,
весь слой наносов
заскорuzлый.
Находит путь — меняет русло:
течет
великая река!
Не верь, художник, никому,
кто разорвать не смеет цепи,
и в устремлены к высшей цели
бери в пример себе —
Аму.

РУБАБ

Поет печальным голосом рубаб,
и белый месяц стынет за листвою,
и внятен вкус печали на губах,
оставленный

исчезнувшей слезою.

О соль печальных уст!

О снег луны!

О слезы струн!..

Поведай мне, откуда

опять мы в эту ночь принесены,

где снова нас соединило чудо?

Ответь скорей,

покуда на губах

жива слеза,

покуда тень не тает,

покуда месяц кругл, как рубаб,

пока рубаб,

как голос твой,

рыдает.

* * *

Соловей замолчал
за сиренью.
Звезды реже,
и небо серей.
И сиреневое оперенье,
точно слезы,
                                роняет сирень.
И земля задержала дыханье,
затаила движенье свое —
точно маленькой птички молчанье
так же сладко,
                                как пенье ее.

* * *

За отчаянным морем разлуки
открывается

счастья страна.

Так нежны твои белые руки —
точно белые острова.

Но когда, раскаленное страстно,
гаснет солнце в небесной золе,
мне порою становится страшно
доверяться

столь малой земле.

Точно впрямь, среди моря разлуки,
ненадежно мое бытие:
не удержат столь нежные руки
слишком жаркое

сердце мое...

* * *

Оттого, что песня так грустна,
все слова — как дареные перстни.
Сердце проникается сполна
каждым словом,
каждым звуком песни.

Сколько лет,
о, сколько долгих лет
лить дождем
или костром гореть ей!
Почему ж веселым песням нет
на земле такого долголетия?
Или в час любой у нас едва ль
милых нет,
по ком тоскуют очи,
и недаром всякая печаль
в дом чужой, как в дом заходит отчий?
Иль слова, что счастьем рождены,
носят всюду собственное имя
и счастливым просто не нужны
радости,
воспетые другими?

* * *

О эта тишь перед рассветом!
Все тьмой до края налилось.
День не рожден и не разведан,
и мир бесформен, как хаос.

Но где-то, в самой гуще ночи,
пичуга пискнула слегка —
две-три случайных, странных ноты,
во сне

прочтенные с листа;

и этих слабых звуков дикость
как бы означила черты —
как будто утро пробудилось
во чреве черном темноты;

и тотчас — рядом, за версту ли —
забормотало все окрест.
как будто перед увертюрой
себя настраивал оркестр;

пахнул туман, на листьях сонных
зажегся луч,

и, наконец,

из роши в мир скатился соло
поток серебряных колец...
И чудилось уже не вчуже
зари

багряное кольцо:

разбужен голосом пичужки,
мир
обретал свое лицо.

* * *

Вот след разлуки, точно плуга след,
лег на чело

тяжелою морщиной.

О, вижу я, печальный пахарь слеп:
он с женщиной жесток,
как и с мужчиной.

И встреча не изгладит ничего,
чему разлука горькая виною,
и вспаханное горечью чело
не станет снова нежной целиною.

Прости, прости, любимая,
и рук

не отнимай,
но вдумайся однажды:
не будь на свете нам дано разлук,
какою мерой
мерить встречи наши?

* * *

Неловкое слово, как пуля шальная,
тебя так неожиданно

и больно задело...

Прости мне, я вижу вину свою,
знаю,
как болью обиды изломано тело.

Прости мне!

Печальные плечи затихли.

Врачам неподвластны такие вот травмы.

Но в памяти сердца,

в невидимом тигле,

прибавилась новая капля отравы.

Слеза покатилась

звездой по небу —

по небу той первой,

той снящейся ночи...

Прости мне. Звезда закатилась — и нету,
Молчу.

И не знаю дороги короче.

ЗВУКИ

— Динг-донг!..
Эти звуки идут издалека —
и гаснут вдали.
То ли радар на Телеграфе,
объявля широко раскрыв,
ловит небо;
то ли на Баламечети¹
конки бегут...
— Динг-донг!

Это медное пенье —
точно памяти голос.
Как он странен сегодня!
Словно все совместилось
во мне.
Снова что-то шумит...
Может, две махалли,
перессорясь, дерутся?
Может, мстит Карягды —
Мерганчи²?

Нет, конечно!
Это только гудит
пиала «Пахтакора».
Видно, нынче
завершение сезона —
решающий бой...
Шума Пьянбазара³
не слышно. Давно
его с памяти смыли

---

¹ Одна из старых улиц в Ташкенте.

² Две враждовавших махалли в старом Ташкенте.

³ Базар, существовавший на месте театра им. Навои.

струи радуги вечно летящей —
и потом водопадом
ниспадающей вниз.
Эти звуки воды —
ну-ка, память моя, постарайся! —
их ведь не было прежде,
только пыль здесь неслышно звучала
меж подошвой и камнем.
А под искрами брызг
вечерами
так привычно сегодня
здесь речи текут
на семи наречиях мира —
вечерами, когда Универмаг
весь, до крыши,
наполнен закатом...

Что же,
значит, две тысячи лет
были лишь предисловьем
к истории нашей?
Да, я таший¹ —
и ташкентец,
и все твои звуки —
от начала —
в сознание моем.
Я в истории долгой твоей,
и она проживает во мне,
в моей каждой минуте.
Я весь — в твоих стройках,
в грядущих рассветах
твоих.

---

¹ Уроженец древнего Ташкента.

* * *

Кто дорогу тебе перешел,
дом и дым поменявши местами,
мой единственный свет пережег,
опрокинул мое мирозданье?

Эти стены стоят не дыша,
как с душой разлученное тело,
и, как комната эта,
душа
обезлюдела и опустела.

Где ж ты? Где же ты?..
Горький вопрос
разоренья не переигрывает.
Только тень твоих пышных волос
на стене сиротливой маячит.

Только хлопает ветер дверьми.
Только улица шествует мимо.
Ах, вернись —
и надежду верни
дому этому,
этому миру!

Кто б дорогу нам ни перешел
у истока
тоски и разлуки —
разве где-нибудь в доме чужом
так нужны
твои губы и руки?..

ЛИШЬ БЫ ЗНАТЬ МНЕ

И опять я стою одиноко
и твое представляю лицо.
Словно осени синее око —
это горное озерцо.

Так и кажется мне временами,
что, иные стерев имена,
пролегает оно между нами,
отразив
лишь тебя и меня.

Как весна, что соседствует с летом,
иль как осень спешит за зимой —
за тобой существую я следом,
но тебя не настигну самой.

Так уж нас изваяла природа,
над творением очи слезя.
Мы с тобой — как два времени года:
рядом можно, а вместе — нельзя.

Стынет осень у зимних таможен,
с кучей золота в драных мешках.
Повстречаться мы больше не можем,
и расстаться не можем никак.

Так горячее солнце грозитя
выпить все до последней слезы,
а на утро опять отразиться
в новорожденной капле росы.

Плачет птица на тоненькой ноте.
Эти памяти очи — остры:

в ней горят наши давние ночи,
как забытые кем-то костры.

Что же делать?

Тоскуя и старясь,
я стою на осенней земле —
лишь бы знать мне, что искры остались
в той немой поседелой золе...

умершим тополям вернуло листья,
вам —

юностью нетронутой воздав!
Как стороной она вас обошла,
вся эта смена лет, и лиц, и сроков,
что, пренебрегши истинной суровой,
вас возвратила

в давний наш кишлак!

Мне к вам шагнуть?.. Увы!

Зато за мной

пойдете вы в мой дом гостеприимный,
чтобы опять, как в той поре старинной,
сопровождать
мой сложный путь земной...

Сейчас, друзья, сейчас!..

Но что?.. И тут

меня подвел характер мой халатный!

Пока смотрел я,

продавец галантный

какой-то даме

продал мой этюд!

...В стекло витрины чей-то глаз косил,
смеясь, смотрели на меня картины,
мое былое в двери уходило,
и деньги пересчитывал кассир.

ДЕВОЧКА В БУТАКАРЕ

Та девочка в осеннем Бутакаре
так верила, так радостна была,
и все глаза той вере потакали,
не ведавшей, что в мире есть беда.
Та девочка с хвостом косички жалкой,
что на спину ей трепетно свисал,
через кусты,

сквозь полдень поля жаркий,
с охапкой хлопка шедшая к весам...
О, как она ресницы всполошила,
как одевалась пламенем щека,
когда она ревниво положила
свой фартучек

к ногам весовщика!
Как будто это было белой манной,
упавшей к нам с небес,
со всех семи,
как будто бы от той охалки малой
зависело спасение земли!..

Иль, может,
под осенней синью сонной,
где снег небес на белом солнце сох,
охапка та и впрямь была весомей,
чем мог понять
стальной рычаг весов?..

Когда тоске ленивой потакаю,
перо бросаю в середине дня —
та девочка в осеннем Бутакаре,
припомнись мне

и пристыди меня!
Пока я тщусь сомнения развеять
и первых строк уныло ждет рука —

* * *

Когда я смолоду гадал
над жизни начатой картиной,
порою в пот меня кидал
кончины страх неотвратимой.
А старики в своем кругу,
без горечи и без усилья,
как о покосе на лугу,
о смерти близкой говорили.
Их речи корчились во мне,
вползая холодом за ворот.
Казалась слов страшной вдвойно
обыденность их разговоров!..

Неужто в сладостном миру
вот так же вспыхнет сад осенний,
когда и я в свой час умру,
как все, не выпросив спасенья?
И будет так же женский смех
будить
сердца мужские снова,
и сохранят все тот же снег
вершины гор белоголовых?..

Но время шло, и пряжу лет
стремительная пряла пряха.
Теперь во мне в помине нет
того томительного страха.
Минут у ночи не краду,
не плачу о минувшем годе.
Как старики в своем кругу,
я мирно мыслю об уходе.
Теперь я вижу: то во мне,
что тшилось в жизни укрепиться,

из самого меня

вовне

переселилось по крупице.

Все то, что видел я не раз,

я в строчках снова отдал свету.

Я подарил сиянье глаз

мною облюбованному цвету.

О, это делалось не вдруг!

Но с той признательностью вещей

всю нежность пальцев, силу рук

вложил я

в сделанные вещи.

Я все, что мог, от жизни взяв,

вернул ей честное уменье.

Но будут жить в моих друзьях

мои надежды и сомненья.

Теперь, когда дурную весть

подаст мне смертная усталость,

весь не умру я.

Нет!—

я весь

здесь,

на земле моей останусь.

* * *

Размыта ветром тишина.
Широко даль раскрыли.
Простор. Весна. Раствор окна
сродни размаху крыльев.
Так вырос воздуха паек,
летучих слов сгоранье,
как будто комнаты полет
уже не за горами.
И кров травы так чист и част,
так пышен не по смете,
как будто нам какой-то час
остался
до бессмертья.

ПОМОЛЧИМ

Не говори об этом. Помолчи.

Узнать об этом

        надо нам так много!

Слова, как зайцы, затаясь в ночи,
грозят опять перебежать дорогу.

А ночь стоит, предсказанная в снах,
и шорох мыслей внятней ей и вedom.
Мы помолчим. Слова — недобрый знак.
Они лишь тени
        перед нашим светом.

ВЕТЕР

Жди и жди. На свету и ночами.
Скрипнет дверь —
  в замиранье нырни.
Ты не скоро постигнешь в печали:
просто
                                  тешится ветер дверьми!

Что и судьбы ему, и любви?
Он все тот же у двери любой!
Он сегодня целует до боли,
завтра болью
  ударит любовь...

Ах, не засмейся и не спугни
настороженные легкие тени:
может быть,

        в этом неожиданном смятены
высшую радость упустят они?

Ту,

        что дается один только раз
и ускользает из сети обряда,
чтобы за этой стеной винограда
пышно расцвести

        для единственных глаз...

БЕРЕЗКА

А. Удалову

В нашем саду, среди низких светил,
в ласковом логове лета,
кто-то березку весной посадил —
гостью из дальнего леса.

И пробудилась она через год,
в тоненьком платье из ситца,
смотрит вокруг — и никак не поймет:
господи, что же мне снится?..

СОВА

В нашем саду,
        когда полночь сама
черной мукою меж ветками сеется —
вдруг монотонно застонет сова,
так, что болезненно екает сердце.

Что же кричит она в нашем саду,
где до рассвета крыло преклоняет —
то ли кому-нибудь кличет беду,
то ли чужое дитя проклиная?

Чьи-нибудь судьбы гадает? Но чьи?..
Где она прячется: спереди? слева?..
Или провидит нечто в ночи,
что мы и днем бы
прошляпили слепо?..

Времени капли в пространстве пустом!
С неопишуемой давности давней
этот ее мелодический стон —
вечный источник
печальных преданий.

Всё-то с ним сходится, что ни сравни.
Черной ночи отсекая отрезки,
звук этот странно чему-то сродни:
чинный — и горестный,
плавный — и резкий...

Всем, кого мучит мечты недолет,
чьи в невозвратности души изныли,
всем, кто не спит —

она передает

эти томительные позывные.
Господи боже! не ночь ли сама
душу мою окликает негрубо,
словно в саду
безымянного друга
осиротевшая кличет сова?..

ПЕРВЫЙ СНЕГ

В нашем
тихом сегодня саду
ровный свет чистоты и покоя.
В этот мир безгреховный сойду,
не велю себе помнить плохое.

О нетронутый лист тишины!
Словно ходишь поляной лесною,
гнутся ветви дерев,

тяжелы
драгоценною той белизною.

Даже запах пронзительно нов!
И под белым покровом несмятым
все мне чудятся роз ароматы,
драгоценная россыпь цветов...

БАРГЗУБ

В нашем саду, где глухая тропа,
змеями корни ползут —
произрастает густая трава
с именем странным «баргзуб».

Утром травиночки — я замечал! —
блещут, поют и парят!..
И говорят, что ее по ночам
звезды лучами поят.

Ты, о звезда моя, знаешь мои
муки — я сердцем не лгу.
Звездным свеченьем в ночи напои
бедную эту строку.

Может быть, света исполнясь,
слова
чью-нибудь душу спасут —
как исцелительница-трава
с именем странным «баргзуб»...

* * *

В любви к земле не разуверит
с дерев бегущая листва:
гляжу,
    как в зорях розовеет
хлопковых шапок белизна.

Красой осенней постепенно
душа проникнется полней:
все гуще ласковая пена
на волнах
    хлопковых полей!

Нахмуренное время года
с весенним светом не сравним.
Но как прекрасны хлопка горы
среди редяющих равнин...

Опять иду к тебе, Отчизна,
и снова ты передо мной,
и вновь находится причина
любви моей
к земле родной.

Порой мне хочется рискнуть:
в былом мальчишеском размахе
доверить жизнь клочку бумаги —
и отыскать событий суть!
Однако, как писать о ней?
Неужто путь избрать дословный,
вскрывая корень родословной
и самое начало дней?
Как отделить «мои», «моя» —
от остального?.. Вот докука!
Где грань?

Откуда и докуда —
мне отведенные края?
О разуменье!

Покажи
перу, бредущему на ощупь:
меж слов и чувств
моих — и общих
где пролегают рубежи?
Как брызги быстрые с весла,
слетают дни —

и все ж при этом
мне светит добрым, вечным светом
вон та далекая звезда!

А тот,
в бездумии тупом
под корень рубящий чинары —
в своем жестоком начинаньи
в меня
врубается топор!
И будоражат, и гнетут
чужие радости и боли —
душа моя, сама собою,

присутствует и там, и тут!
Близ саженца, что не дорос
до мощной поросли бульвара,
иль —

где вовеки не бывала —
в пыли космических дорог!..
Жизнь рано ранили мою
свободы стон непокоренной,
пиратский флаг в чужом краю —
и треугольник похоронный,
пришедший в нашу махаллю!..
О жизнь моя, любовь моя,
вы здесь —

откуда и докуда?
То торжествуя, то моля,
я с миром вместе плыл в моря
житейского добра

и худа!
Мой долгий путь перемежал
то и другое

не однажды.
Но сам в себе «мое» и «наше»
навечно я перемешал!
Как путник, что на свет забрел,
в стоцветье праздников и буден,
лишь в мир придя — я мир обрел.
И вновь его

оставлю людям!

* * *

Малого — мало, а многому — нету границы.

Больше дается —

и большего недостает.

Вечная жажда, что в сердце живет и гранится,

вечно стремиться

и властвовать не устает.

Каждая даль запекает манящей сиреной,

в дымке мечты,

в оболочке волшебных словес,

и расширяется всюду, подобно Вселенной,

мир твоей страсти,

о жадный надежды ловец!

Но,

если душу нежданною горечью смяло,

ум потрясенный

отчаянной мыслью гоним —

сразу становится нужно

так мало! так мало!

Сердце насытится

ласковым словом одним...

РОЖДЕНИЕ

Дождь пробежал перед самым рассветом —
и прояснело.

Пар из низин
высь возносился, колеблемый ветром,
словно бы мысли земли возносил.

Час для кого-то настал драгоценный.
Кончили службу свою фонари:
солнце, лучи расправляя за сценой,
листья обрызгало соком зари.
Ветер, полночи прошлявшийся кряду
в поле,
    по саду,
        проулкам,
                дворам,
перемахнул себе через ограду —
и подобрался к самым дверям.
Темная лезла листва из-под арок,
он же — пластался и вздрагивал весь,
словно выпрашивал некий подарок
за небывало добрую весть...

Чуть впереди, приосанившись робко,
как бы на некоем посту роковом,
стыл в ожиданьи отец у порога —
с орденской лентой, пустым рукавом.
А за окном, еще им и не ведом,
в люльке лежал продолжатель семьи —
мальчик,
    родившийся перед рассветом...
Дивное диво, надежда земли!

СТЕПНОЙ ВЕЧЕР

Осторожно скрипят каркасы:
это ветер под кошмы вхож,
как наездник, что наскочил —
да сидеть ему

невтерпеж.

В красных отсветах клубы пыли,
красны юрты, земля, закат.
Льют в котлы молоко кобылье
молодицы в красном до пят.
Где-то варево закипает,
волкодавы снуют у юрт.

Ширь

по краешку загибает
великанский степной уют.

Таёт

отсветов красный танец.
Остывает в золе закат.
Так знакомо-знакомо тянет
горьким дымом от кизяка!
И кумыс пробудился сонный,
что напор до поры копил...

И едва заржет жеребенок —
вспыхнут звезды

в глазах кобыл.

ЛЫЖНЯ

Лежит лыжня в истоптанном снегу.
Через поля, по тихим перелескам
бегу.
Остановлюсь,
очки сниму —
и захлебнусь обрушившимся блеском.
Потом увижу даль и синеву,
сочту деревья — и собьюсь со счета...

Бежит лыжня в истоптанном снегу —
и вдруг ныряет

в бурую чащобу.

Я следом тот же делаю зигзаг,
меж сучьями продравшись еле-еле.
Укромную полянку показав,
лыжня кончается

у старой ели.

Засыпан лес крупинками слюды.
Мгновенное стоцветное пыланье.
Конец лыжни — и рядом на поляне
глубокие неровные следы...
Я думаю: что здесь произошло?
Какие-то тут повстречались двое.
Столкнул их случай по капризной воле,
иль давнее намеренье свело?
Что было здесь?

Свидание?

Беда?

Возня смешная, маленькая встряска
иль старой драмы горькая развязка?..
Ах,

если б все читалось

по следам!

Чтоб можно было в душу заглянуть —
ведь след подчас
и впрямь точней, чем
слово!

Будь зло виднее людям хоть чуть-чуть,
куда бы меньше
было в мире злого!

Исчезли б пересуды — и суды...
А впрочем,
тайну сбросимте со счета —
и мало станет в мире красоты!
Взамен останутся
одни красоты...

А я пока что, как седой Адам,
которому приснился сон о Еве,
стою в снегу, читаю по следам
у дерева познания — старой ели.
Поведай, ель, ответь мне, наконец,
хотя б кивни

вершиной убеленной:
обидел ли здесь девушку подлец?
Иль объяснился, наконец,
влюбленный?
Иль двое здесь

мечтали об одном?..
И почему, не зная о них ни слова,
подумал я сначала о дурном?

Иль есть во мне черты того,
дурного?..

Но я понять ответа не смогу,
и ель молчит, свои скрывая чары.
Бегу назад.
Лежит лыжня в снегу,
забывши, где конец, а где начало.

* * *

Какие дни! Опять весна
зимой-старухой завладела.
Оттаявшею старой девой
зима ей вверилась сполна.
И доля снега внесена
в буран цветенья оголтелый,
но всюду, всюду то и дело
во все вторгается весна.
Земля очнулась ото сна
и сильное размяла тело,
и примеряет неумело
наряд свой свадебный она.

А свод небесный
впопыхах
на ней и впрямь женить решили.
В папахах
дальние вершины
стоят друзьями жениха.
Подружки близкие — холмы —
оделись пламенем тюльпанов,
а косы ив
фатой туманов
укрыл дрожащий дух зимы...

Но гости все уже в пути,
уже столы накрыты рядом,
и только бурные дожди
порой нарушат весь порядок,
чтобы подарки ярких радуг
потом невесте поднести.
И в белой пене горный сай,
как напряженный жеребенок,

и журавлиный
отдаленный
над миром слышится сурнай,
и эха звонкого «яр-яр»
в ущельях дальних раздается,
и с песней даль не расстается,
и ширь земная раздается,
и свадьбы близится разгар.

НОЧЬ

Иной зовет ее «бессонницей»,
ее прихода ждет с тоскою,
а я напраслиной

бессовестно

не оскорблю ее такую.

Стихами мучим или прозою,
зарей чернила доливая,
неугомонными вопросами
ее я сам одолеваю.

Она ответа ищет трепетно,
но нет и нет со словом сладу,
и рухнет вдруг,

разбившись вдребезги
о вспышку спички или лампу.

И тени, как стада без выгона,
толпятся за окном покорно,
и мается она безвыходно,
попавши в переплет
оконный.

Но вот права даны ей заново,
недолгий свет опять погашен,
и все —

от сотворенья самого —

друг другу с нею мы покажем.

Кому-то снится полдень завтрашний —
нам предстает

вся жизнь былая.

Чтобы понять,

что делать завтра с ним,
мы прошлое перебираем.

И сердце в темный зал вступает — и,
отсывая сор от сути,
мы в этом строгом зале памяти

и подсудимые и судьи.
Что дню грядущему полезнее?
Глазами прошлое обыщем,
бесстрашно шествуя по лезвию
меж наступающим и бывшим.
Еще не чуем мысли высимой,
полоской шествуя ничейной,
что быть границей той немислимой —
поэзии предназначенье.
А где-то тьма со светом ссорится,
петуший крик прорвался где-то,
и вот кончается бессонница,
сменившись
пиршеством рассвета.
И день — как флаг, над миром поднятый!
Ночь миновала...
Ночь — и только!
А кто ее измерил подвиги?
И кто подвел ее итоги?

* * *

Последний луч зари.
Пожар листвы последней.
Остановись. Замри.
И ты тут не посредник.
Вот умер год иль час —
проникнись их бедою.
Ты этих жизней часть,
а не наемник в доле.
Ты строчка в их судьбе!..
Но ты молчишь в покое.
Откуда же тебе
спокойствие такое?
О сердце,
    блудный сын

олфальта и редакций,
где,
где берешь ты сил,
чтобы не разрыдаться?
Иль в смутный миг такой
во что-то веришь веще?..
Я так горжусь тобой,
о сердце человечье!
И слышу я в ответ:
«Не быть тоски мишенью
легко,
    коль не отверг
простого утешенья.
Хоть гаснет луч зари —
в зрачке он остается,
и летний жар земли
с тобой не расстаётся —
он переходит в сок

прозрачный винограда,
в дары медовых сот
и россыпи граната.
Вот точно так и мы.
Пройдем, не повторимся,
но в чью-то страсть
и мысль
когда-то претворимся.
И выход мы найдем
из замкнутого круга,
держа свою ладонь
на головенке внука».

* * *

Тяжкое — долгие вдавит следы.
Легкое — не оставляет и следа.

В слове едином — два смысла слиты:
связь между ними —
оставшейся с лета
зимней рябиной мелькнет
(если ты
в снежную ширь не уставишься слепо).

Тяжкое — долгие вдавит следы.
Легкое же — не оставит и следа.
В почве ль, на сердце —
не все ли равно?
Легким минутам забыться дано,
тяжких же дней роковое звено
прочно в груди отпечатано
слева.

Где вы странствуете,
                    страницы
мною в муках рожденных книг?
Кто вас хвалит?
                    Кто сторонится?
Кто хранит вас — а кто бранит?

Чей-то стон, или вопль истошный,
или счастья простой настил...
Я вас складывал по листочку
и, как малых детей, растил.

Зимы, осени, лета, весны,
сердца прихоти и права...
Жизнь моя —
словно ствол древесный,
вы — живая его листва.

И пускай мне и видно сверху,
как ветра вас треплют, смеясь,
и пускай вас несет по свету —
не разорвана наша связь!

Ах, вы, ласточки, ах, листочки,
каждый —
часть моих лет и чувств!..
Хоть и знаю я вас до точки —
вновь на вашей судьбе учусь.

Праздно облако забелело —
скрылось, капли не уронив...
Что же сердце не заболело
о беде пересохших нив?

Иль —
    без боли, любви и гнева —
становлюсь я и сам таким:
под листвою —
мертвое древо,
под блестящей корой —
такыр?..

Век мой,
вторгнись в мою судьбу — и
бурей яростною хлестни,
той последней срывая бурей
золотые
    мои листы...

СОСЕД

Сосед, перекупщик с базара,
свалился — наверное, грипп.
Лежит, ослабевши от жара,
по самое горло укрыт.
И смотрит на белую стену
над вешалкой для пальто,
как будто на белую сцену,
где ставится

что-то не то.

Не выдуманное веселье,
не судеб чужих пересуд —
а жизнь прожитая!

(Доселе

все было

взглянуть недосуг...)

Но видит не сцены,
не лица —
а цены
и множество рук.

И сделки, свершенные лихо,
становятся лишними вдруг.
Листает он

юные годы:

ведь было им что-то дано!..
Но вспомнить не может чего-то,
что сгнуло где-то давно.
Стена нависает уныло —
безрадостным чем-то, чужим...
Все бело. Так что это было?
Что сплыло, что сгнуло?
Жизнь...

* * *

Контур стройки высок за окном.
Он за сутки подрос небывало —
как и те, под весенним огнем,
деревца молодого бульвара.

Все так быстро и ладно растет,
все так живо —
как будто издревле
одинаково точный расчет
гонит к небу
                        дома и деревья.

В СТЕПИ

Полночь молча полощет колосья.
Свет луны — как серебряный звон.
Словно где бубенец раскололся
и пространством

на нет себя свел.

Заодно с осиянностью всюю,
с этим морем хлебов заодно,
я готов прорасти в эту землю,
как безвестного сева зерно.

Что там светится в небе предвечном?
Что там поит нас вечным питьем
и плывет, как мечта человечья,
нескончаемым

Млечным путем?

Окунись в осиянное небо,
в океанскую лунную тишь;
это спутник плывет иль планета —
сразу даже и не различишь.

Не звено ли ты в том же порядке?
Что же вдруг твои очи пусты?
Смех девчонки в соседней палатке
раздирает тебя на куски...

О, прости нас, Вселенная!

Вижу

твой ответ на высоком челе:

«Чем вы вверх устремляетесь выше,
тем корнями

вы глубже в земле...»

ОСЕНЬ

Гаснет клена последний огарок,
запоздалые стаи летят.
И глаза у оставшихся галок,
словно бусины,

в поле блестят.

Сад в разлуке, и луг озабочен
исчезающим абрисом гор,
и тутовник дрожит у обочин
перед взглядом осенним в упор.
День-то, впрочем,
ни темен, ни светел.

Спи, тутовник, и нас не тревожь!..
Но не так же ль и времени ветер
нас кидает по осени в дрожь?
И покуда небо сырое
засыпает и блекнет во сне,
поневоле острей и суровой
эта память о нашей весне.
Где вы, первой любви сказанья?
Где ты, свет,

что так вольно разлит?

Воротись он — какими глазами
я глядел бы: на утренний лик!
Жизнь идет и уходит. Несносен
счет коварной ее правоты.
И Танталом
усталая осень
на весенние смотрит плоды.

вновь костер разожжем понемногу
от единственного уголька.

И опять, вопреки бездорожью,
где слова, как солдаты, слегли,
чуткий сумрак наполнится дрожью
ожиданий, сомнений, любви.

Совершится последнее чудо,
и — на грани минут и веков —
еще вырвется луч из-под спуда
постаревших, пустых облаков...

* * *

Над твоими просторами, родина,
слышны первые речи весны.
Одевает в зеленую плоть она
твои зимние

долгие сны.

Бросив вызов метелям и вьюгам,
от снегов и морозов устав,
за железным ты тянешься плугом,
точно нежность несешь на устах!
И, раздолью весеннему рада,
так поет по арыкам вода,
точно кто-то с недавней утратой
примирился вчера навсегда.
Ветер нежит зеленые пряди
и небес голубые меха,
и земля в подвенечном наряде
поджидает к себе жениха.
И по зяби и пахоте черной,
вырастая в просторах твоих,
он идет к тебе —

твой нареченный,
твой хозяин,
работник,
жених!

РОДИНА

Это зеленое блюдо долины,
склон каменистый,
тропа без конца...
Что-то в них тягою неодолимой,
словно на привязи, держит сердца.
Сквозь обольщенья чужого привета
и нескончаемых странствий кино —
только вот это,

вот это,

вот это

где-то в итоге тебе и дано!
Что в этом сроке бессрочном повинно?
Что укрепляет крепчайшую связь?
То ли,
    что кровь из твоей пуповины
где-то нечаянно здесь пролилась?
Что в этом виде заложено старом,
чем он особенно близок и мил?
Именно той махаллей и гузаром
мы бы украсили
виденный мир.
Вроде бы все нам сегодня открыто,
вся без изъята планета видна!..
Что же вода из родного арыка
только и есть нам —
живая вода?..
Где-то душа поникает устало.
Но примерещится ей невзначай
крепкая ветка родимого тала —
и отпускает тоска и печаль.
Тайна рожденья? Иль сладость даренья?
Мы на земле —
    у себя иль в гостях?

Ведь не на нас, а на наших деревьях
заново зелень оденет костяк!
Но не с того ли
и мы не сдаемся
горести, боли,
усталости,
мгле —
что, и отжившие,— мы остаемся
и достаемся
вот этой земле?..

* * *

И создали речь — чтоб отныне сама
все,
все обозначила словом.
Придумали буквы — чтоб эти слова,
умолкнув,

звучали бы снова.

Пробили дороги в теснинах земли,
породу круша и корежа,
Даль укротили — изобрели
полозья,

весла,

колеса.

Взнуздали ветер бегом коня,
уздой парусов и крыльев.
Ночь осветили подобьем дня,
тайны светил раскрыли.
Хоть думали рáзно — твердили одно,
а разум — кляли напрасно.
Стихи сочиняли. Давили вино —
и пили

в траур и в праздник.

Стремилась жадно мысли прочесть,
Словам возводя плотины.
Любовь губили, спасая честь,
а честью

любви платили.

Шли на смерть. Терзались давнишней виной.
Терпели и боль и разлуку.
И все это делали с целью одной:
чтоб сделаться

ближе друг другу.

* * *

Нет, я не спал,
я слушал голос ночи.
И мне на губы, как на лепестки,
легла роса.
И тонкий луч зари
вошел в мои стихи — и растворился.
И я собрал весь аромат садов,
всю спелость яблок,
смелость трели птичьей...

И голову я поднял от бумаги,
еще в тумане строк,
и вдруг увидел,
что все вокруг —
стократ прекрасней слов.

А жена твоя знает
о тебе много больше,
чем знаешь ты сам о себе.
Разве видел ты сам, как ты спишь,
обнимая подушку,
и какое лицо у тебя
и в счастливом и в горестном сне?
Вот ты только что сделал движенье,
а она уже знает вперед,
что ты скажешь сейчас —
в раздражении,
в радости
или в раздумье...
Но тебе самому — невдомек еще это!

Разве видел ты сам,
как бываешь красив ты в свой час,
как в дурную минуту
становишься ты безобразен?
Нет зеркал, чтобы это тебе показать,
нет друзей, чтобы это тебе рассказать —
лишь одна,
лишь она
это видит и знает!

Ты полжизни прошел по земле,
ты глядел в зеркала,
забывая себя раз от разу,
и они забывали тебя.
Только в зеркале памяти женской
ты остался таким же, как был,
начиная дорогу!
Оттого-то твой путь

повторить она может стократно —
вот взглянула задумчиво,
и ресницы от влаги блестят —
может быть, вот сейчас
она в этой дороге с тобой?..
Берегись,
не столкни!
Твое давнее «я»,
потерявшее облик и голос,
только тут и живет —
в затуманенном взгляде жены...

Оттого-то жена твоя знает
о тебе много больше,
чем знаешь ты сам
о себе.

РУСТАВЕЛИ

О работа, работа, работа,
полонившая душу сполна!
Ни сомнений.

Ни жалоб.

Ни пота.

Семь веков не стихает она.
Пашет души невидимым плугом,
собирая невидимый хлеб.
Мечет стрелы всевидящим луком
через сотни стремительных лет.
Молча слушает ветер ответный,
ищет норы,

где хищник залег...

Где же сам ты, о труженик вечный?
Где же сам ты, о вечный стрелок?
Где ты?

Нету

тебя и в помине.

Колесница летит без возниц,
точно впрямя растворился ты в мире,
из которого

труд твой возник.

Хрупкий челн —

на волнах испытаний,

в бурном море мирской маеты,
где он, след
твоих бед
и скитаний,
одиссея разбитой мечты?

Перед мощью веков и природы
и гранит

беззащитней стекла.

Пали крепости, рухнули своды

и Кура той поры

утекла.

Где же, спросим? В селеньи родимом
нет могилы под черной плитой.

Лишь луга, по которым бродил он,
той же нежной манят красотой.

Скупы надписи, хроникки немые,
глух напевов утраченных ритм.

Только голос великой поэмы
нам о нем и о нас говорит.

О искусства великое чудо,
нам без слов твой понятен исток,
если строчкой, текущей оттуда,
снова боль он

и радость исторг...

Так, рожденная высью седою,
и Кура, у скалы под скулой,
хоть другою нас поит водою,
остается

все той же Курой.

И над недрами, спящими глухо,
продолжается жизни река,
и творенья великие духа,
точно реки,

текут сквозь века.

СЕРП И МОЛОТ

Старый пахарь с горбом,
обоженный в огне Прометея...
Сам согнувшийся в вечном труде,
распрявил он стан человека
над болотами, дикостью чащ,
над стихией звериных инстинктов!
И с землею сроднил на века...
И в пути бесконечном своем
повстречал он другого —
с головою тяжелой и мудрой
кующего сталь, разбивающего оковы..
И родился наш герб —
СЕРП И МОЛОТ!
И покуда они в руках у людей,
ржавеет оружие, пушки молчат,
но зато золотятся колосья,
и зреет лоза, и хлопок белеет,
и растут города,
и так будет вовеки,
покуда есть на земле этот герб —
не царя, не барона, не хана —
герб Труда, которым рожден Человек.

В ПОЛНОЧЬ Я ЛОЖУСЬ

И в полночь я ложусь,
и слышу стук.
Упрямый стук без оклика.
Я знаю, кто там стучит, —
мой дальний предок,
десяток жизней,
что прожиты до моего рожденья!
Стучит не в дверь — в виски...
О голос крови,
о вечный голос крови!
Говори — и спрашивай,
я слушаю.

Я знаю:
я сам когда-то буду кровью биться
в висках потомка —
и просить ответов.
И он — прислушается ли ко мне
сквозь шум столетий?

Если так — отлично.
О, я предвижу,
как многое я захочу узнать:
еще долины зелены ль,
и горы
стоят ли так же в белых шапках снега?
Чисты ли родники?
И человек, достигнув звезд,
своей звезды достиг ли?
Свята ль невинность девичья,
как прежде?
И есть ли те,
что вечно ищут правду?

МАЛЕНЬКИМ БЫЛ Я

Маленьким был я.

А солнце, как мама,
грустно стояло у самых ворот,
глядя на тополь, что прятал упрямо
белой дороги крутой поворот.
Осень прощалась. Все дальше, все тише...
Дни уходили.

Года.

Поезда.

Мальчик, глядел я вослед уходившим —
чьи они,
так и не понял тогда.

Маленьким был я.

А годы шумели,
густо росла на могилах трава.
Помню простреленные шинели,
тощие, вместо руки, рукава.
Всхлипывал ветер по-вдовьи на пашнях,
редкая теплилась в небе звезда.
Маленьким был я и, слыша о павших,
чьи они,
так и не понял тогда.

Маленьким был я...

И как-то особо

молнии ломались
у взрослых в глазах.
В воздухе времени пахло озоном —
точно и вправду промчалась гроза!
Люди кругом обнимались, как братья,
радость, как ветер, несла города...
В чьи-то, малыш, попадал я объятья —

чьи они,
я и не понял тогда!
Взрослым я стал
и, над временем стоя,
истину вижу
во всей простоте:
были они ополчением Истории —
павшие те,
ликовавшие те!
Это ее
и восторги, и стоны,
всхлипы ветров,
поездов голоса...
Вот оно — вижу обличье Истории!
Ибо теперь —
ее делаю сам.

ДОРОГИ НА ФАБРИКУ

Памяти матери

За пустошь и за реку,
сквозь босоное детство —
дороги на фабрику,
вы мне достались
в наследство.

Жарю палимый,
обласкан снежком серебристым —
с утра торопливо
я шел по следам материнским.

Худой и взлохмаченный,
как же я,
помню,
гордился,
что в цехе у матери
сам я на что-то годился!

Дороги на фабрику...
В вас открывал я впервые
стиху, как напарнику,
жизни приметы живые.

Вы были мне на руку —
лучшей я доли
не чаял,
дороги на фабрику,
всей моей жизни начало!

Все было иначе,
и вы тогда были иные.
Но то, с чего начал,
в душе остается и ныне.

И с грустью невольной —
и с некою ревностью к ним же —
я вспомню то поле,
те рытвины,
мост полусгнивший...

И снится все та же
дорога среди бездорожья!
Чем дольше, чем дальше —
тем ближе она
и дороже...

ИМЯ

...Я мал еще, а мама молода;
и — вспоминаю:

на лебяжьей шее
в степную ширь, как в долгие года,
негромкий звон роняют украшения.
А мне темна еще явлений связь,
загруженному грезами своими,
и я дивлюсь, что, окликая вас,
мое к вам

мама обращает имя!

Ну, что в нем, этом имени моем?..
Как угадать в годах простоволосых,
что в этом обращеньи затаен
всей нежности и счастья отголосок!..
Теперь-то вижу я,

сквозь дымку лет
и поздний свет щемящего участка,
какое, этим окликам в ответ,
у вас в глазах отсвечивало счастье...

...Я мал еще, а мама молода;
земля зарю вливает с обожаньем;
еще не ведая, что навсегда,
мы вас на фронт далекий провожаем.
И дни затем,

идут, как в черном сне:
дожди,
снега,
и ветер законный,
и весть о том, что никакой весне
вас не поднять из слякоти окопной...

И все ж —
весна освободила свет!
И хлынула неутомимым маем,
давая знать, какой великий век
мы, юные,
на плечи принимаем!..
Стекало время, словно пот с чела.
Года ложились, как дома на сваи.
И все мне вспомнилось,
когда вчера
меня отцовским именем назвали.
Судьба недаром завершает круг,
за все однажды воздавая кряду.
И я —
за жизнь, за горечь и за труд —
обмолвку принимаю
как награду...

МАТЬ МНЕ СЕРДЦЕ ПОДАРИЛА

И мать мне сердце подарила,
чтобы, живя между людьми,
к добру дорогу проторило,
полно доверья и любви.
Но что мне делать, мама, мама,
велик мой долг и грех велик,
ведь поступал я в жизни мало,
как в сердце голос твой велит.
Когда волос моих касалась
и песню нежную вела,
тебе прекрасней жизнь казалась,
чем на земле она была.
У всей, какая окружала
тебя неправда или боль,
казалось, выдернула жало
твоя великая любовь...
Но зло еще не шло на убыль
во всеоружье глаз пустых.
И ненависти всю науку
в борьбе я
до конца постиг.
Еще ветра по душам плачут,
что гасли искрами в золе.
Но знаю: ты была — и, значит,
пребудет нежность на земле!
Святые есть места на свете,
где наши матери легли.
Не смейтесь, циники — не смейте! —
над слепотою их любви.
Каким нас холодом ни студит
и что бы век ни потерял,
а все же мир таким и будет,
каким казался матерям.

ВРЕМЯ

I

Скажи, есть ли время на свете?
Закаты, рождения дня...
Не это ли странные сети,
в которые ловят меня?
Вот дни мои, воды речные...
Но рекам даны имена.
О сети дневные, ночные,
в которые ловят меня!
О молодость, твой я наследник.
Ушла ты к другим,
изменя.
Ушла ты — и час мой последний
мне ближе вчерашнего дня.
За что же тобою я предан,
немыслимой предан судьбе?
Живу я, наследник — и предок
себе, самому же себе.
Скажи, есть ли время на свете,
иль, мыслью просторы обняв,
мы сами придумали сети
и в собственный верим обман?

II

Время — есть. Оно уносит юность,
тушит страсти, рушит без следа
все, что полюбилось, приглянулось.
Время — есть. Зовется — Никогда.
Прошлое — за тучей легкой пыли.
Спрятаны грядущие года.
Так, как нас любили те, что были,
нас уж не полюбят никогда.
Время, время, мы расстались с ними,

кто же знал, где радость,
   где беда?
 А какое впрямь ты носишь имя,
 мы не угадаем никогда.

III

И все же — мы зодчие времени.
 Наш труд —
 наших мыслей заем.
 И время зовется по имени
 лишь так,
   как его назовем,
 Пока мы ему не напомним,
 как будни земные тяжки,
 пока мы его не наполнили,
 оно — как пустые мешки.
 Не праздностью пышной украшены,
 не лоском,
   что вечность придаст —
 поистине годы лишь граждане
 родившихся в них государств.
 И как бы мы мало ни стояли
 в прямом исчисленьи простом,
 своим содержанием истории
 мы времени полним простор.
 Пусть кажутся беды огромными
 над этой равниной немой,
 пусть счастье отмерено граммами,
 но мы рождены — для него.

IV

Мы хлеб последний отдавали Кубе,
 а нам в трамваях
 доверья не было — на три копейки!
 Вот парадоксы времени...
 Они
 мне непонятнее, чем те —
 Эйнштейна.
 Но не дивись,
 о мой далекий правнук,
 как не дивимся мы теперь тому,

что Прометей
не требовал патента.
Нас время старило
и пожирало,
как Хронос собственных детей,
и все же
не в этом наша память, наши годы.
Мы — роды
грядущего, мы — муки
родильные, мы — руки,
протянутые сквозь века
к тебе.

МИНДАЛЬ НА ШКОЛЬНОМ ДВОРЕ

Зацвел миндаль на школьном дворе,
в углу, у дорожки дальней.

Говорит весна в упрямом стволе,
не тает дым миндальный.

И мы проходим, и мы глядим,
забыв о бегущем часе,
как будто видим сквозь белый дым
белое чье-то счастье.

А там — простор!

Простор — и уют...

Там что ни слово — то слава.

Там звезды прямо в руки дают,
чтоб пелось

и елось сладко.

Украсть у вас время не норовят,
синяками украсить больно,
и полнит небо аромат —
как здесь,

на дворике школьном.

И мы глядим, томясь, лучась,

забыв о бегущем часе,
еще не зная, что этот час —

и есть

наше белое счастье.

..

* * *

Прощанья — памяти причалы,
и первых слез,

и первых строк,
когда над милыми плечами
плывет и плавится платок;
прощанья — маяки прощенья
в безмерной дальности разлук,
не требующие прочтенья
сигналы глаз,
рассказы рук...

В какой бы рейс ни уходил я,
в какие дальние края,
мне так в пути необходима
рука прощальная твоя.
Она не требует остаться,
а только просит: «Не забудь!»,
с перрона всех портов и станций
мне обещая добрый путь.
Покуда ждешь ты на дороге,
мне в этой маетной судьбе
лишь тем и дороги дороги,
что все
торопятся к тебе.

* * *

Так многое я в жизни упустил!
Так долго жил,
  так мало был я зорок.
О этот блеск, когда в избытке сил
сгорают звезды на ночных озерах!
И стонет рыба, и поет трава
о вечности,
  о юности влюбленной,
и, как живая, нежится тропа
в объятиях травы посеребренной...

Так многое я в жизни прозевал,
покуда жил,
  небрежно и не сыто,
и этот мир беспечно просевал
сквозь вечной спешки
  продрванное сито.
Как будто бы мне было жить — века!..
И в этом безрассудном ослепленье
я прозевал рождение цветка,
улыбки человеческой рожденье...

Ударит вихрь по площади пустой,
качнется веток темная громада,
погонит в вечность стаи листопада,
и вновь заплачет ветер над листвой.
И, глядя вслед последнему лучу,
осеннею тревогою томимый,
я говорю:
  я больше не хочу
быть путником,
  всегда спешащим мимо!
Лишь тень и эхо заключать в строку.

ЛЕНИНСКИЙ ОБРАЗ

Здесь талант не уверен в себе —
в силе красок,
и в звуке,
и в слове.
Где тут век
в этой личной судьбе,
человек
в историческом слое?
Как разъять их — и заново слить,
и сказать самому себе
с правом,
что нашел настоящую нить,
не солгал
этим найденным сплавом,
что из края исхоженных тем
перешел в неоткрытую область,
за штампованным абрисом тем
угадав
удивительный образ?
Все, что создано, перетряхни,
ради точки, упущенной где-то,
из которой исходят штрихи
ненаписанного портрета.
Разве можно ей кануть во тьму,
вместе с разною ветошью старой,
коль грядущее служит ему
obeliskом,
Октябрь — пьедесталом?
О, задача совсем не проста.
Будем в поиске
неутомимо,
ибо ленинская простота —
средоточие сложности мира.

Степь, что тюльпанами не оскудела,
блещет букетами пламенных масс:
вечером кончен поход Искандера,
утром —
        ракета уходит на Марс!

Давние дива по-прежнему живы,
стовековые поля прополов,
и на крыле реактивной машины
спит отраженье седых куполов...

Пусть попеченьем минут-невидимок
дни мои быстры
        и кудри белы:
наше Сегодня — лишь мост, наводимый
        между грядущим
        и между былым.

ПОЛЕТ

На ветру,
на немыслимо давнем ветру,
он согнул
молодую степную ветлу,
и из этого первого лука
выпуская стрелу,
услыхал —
хоть и слушал вполуха!—
как неожиданно и дивно поет
этот первый на свете
рукой сотворенный полет!

Задремала Калуга.
И в ночи,
словно дым из печи,
устремлявшейся к небу,
представлял он грядущее
в точных на редкость чертах,
и шагами негромкими
мерил чердак,
разбудить опасаясь Планету.

А сегодня она
напрягает настойчивый слух,
чтобы вновь уловить
тот особенный звук
половицы чердачной,
когда дерево дома
тихонько поет,
невесомо
устремляясь сквозь время
в полет
за мечтою-чудачкой.

И пространство расстелено,
как фантастический луг,
и растет и растет этот звук
необычный,
и дрожит горизонт —
до предела натянутый лук
у охотника
перед бессмертной добычей.

В ЗАБОЕ

Лик солнца золотой,
и белый парус в море,
и чистота росы,
и свежесть ранних утр —
кто это оценить
сумеет
в полной мере?..
Шахтеры, что во тьме
земные недра
рвут!

Там ночь и день — равны.
Там время и пространство,
как в капсулу пород,
заключены в забой.
И тяжесть рваных глыб
ничтожна —
по контрасту
с той грозной тяжестью,
что виснет над тобой.

И штрек, как длинный мост,
протягивает руку,
и разъясняет смысл,
и за собой ведет.
И свет карбидных звезд,
взывающих друг к другу,
как азбука души,
навек в тебя войдет.
О да, шахтерский труд,
ты — черная работа!
Но тем дороже свет
горенья и труда,

* * *

Как белый свет сливает все цвета,
единственно необходимый глазу,
так белый цвет — хлопковая страда —
всю пестроту
в себя вбирает сразу.

Он проникает души и тела
и бодрствует всею ночью и вседневно,
сплавляя все несчетные дела
в единое,

единственное дело.

То греет нас капризная пора,
то зябнет осень, ночи коротая,
то снегом застилает нам поля,
как бы столы
в предвестьи курултая...

И все-таки наш труд свое берет,
и все верней,
все больше год от году,—
и, оседлав неверную погоду,
мы движемся все выше и вперед!

Но, как и прежде, нелегка страда,
опять победа не дается сразу,
и в белый свет, необходимый глазу,
осенних красок слита пестрота...

ДЕТСТВО

Первый луч осеняет ресницы,
сводит с неба и темень и сон.
То, что нам напоследок приснится,
мы рассвету в подарок несем.
Гаснут капельки звезд огневые,
ночи нету возврата назад.
День нам явлен как будто впервые —
и родится у нас на глазах.
Словно зелень из лопнувшей почки —
он так дивно,

        прозрачно свеж,
и, как марки невиданной почты,
цветники

        обрамляют рассвет!

Так и будет покуда...

Покуда
словно рябью мигнув оспяной,
детства нашего вечное чудо
не померкнет у нас за спиной.
И помчится земля за подошвой,
заторопится,
        чуть запоздав,
и поманит свободной подножкой
уходящий куда-то состав.
Схватит ветер
вихор непокорный,
и пойдут, сквозь надежды и чад,
друг за другом мелькать перегоны
и года, как минуты, мельчать.
Наконец, остановимся где-то...
Рядом, рядом — пути перейти —
позабтая станция детства

померещится нам впереди.

То же утро,

и краски,

и звуки.

Та же в травах — тропинки змея,

Так же пахнет на ласковом луге

напоенная небом земля.

Что же сердце, как прежде, не радо,

как когда-то,

в преддверии дня?

Часть души ль отмерла без возврата

и ушла,

как бывшая родня?

Что в ней было, в той маленькой части,

что она, одолевшая темь,

позабывшимся обликом счастья

одаряла сияющий день?

Я б вернулся,

попробовал,

вникнул...

но пуста она нынче, пуста,

хоть за месяц тех давних канкул

все б я отдал

свои отпуска!

Лишь из дали, исчезнувшей где-то,

расстояниям всем вопреки,

позабывтая станция детства

все мне светит

на долгом пути...

ОСЕННИЙ ЛИСТ

А деду Арчилу — давно уже за сто.
Пожалуй, он старше всего в кишлаке —
людей,
и редющей рощи глазастой,
и улиц, теряющихся вдалеке.
Той давности давней не уравновесить
любым достижениям, заслугам, чинам...
Один у него и остался ровесник —
могуче развесистый
старый чинар.

Они просыпаются перед рассветом,
когда еще ширь не предстала глазам
и сыплются звезды из глубины разверстой
на тихий

пустой, как поляна, гузар.

И ветер дремавший срывается тут же,
но неразличима еще желтизна,
и только проносятся клочьями тучи,
как смутные мысли
лежащих без сна.

Еще ввечеру

холодать начинало —
похоже, зима и взаправду близка.
Со смутно белеющих веток чинара
осыпалась напрочь

былая листва.

Но знает старик, приглядевшийся к ночи,
что там, как на сотканном им полотне,
трепещет оставшийся лист одинокий,
хотя и не видно его в полутьме...

Он тихо стоит с пшалушкой чая

у края,
где густо кусты разрослись,
и смотрит,
и вправду почти различая
на самом верху сохранившийся лист.
Там рядом давно —
ни зеленых, ни желтых,
один лишь
осенней порой пощажен,
и виснет уныло
листок пощаженный,
как гость запоздалый на пире чужом.

Убого наследство ушедшего лета!
Зимы смертоносен грозящий визит...
И все же не даром, наверное, это —
что лист одинокий доселе висит!
Должно быть, до тоненькой ветки высокой,
где первым лучом приземлялась заря,
по-прежнему
животворящие соки
ему посылает родная земля.

На ветке неслышимо лист шевелится,
и кажется: в жажде излиться
подряд
к тебе наклоняются милые лица
и важное что-то душе говорят.
И кажется: давние вехи и вещи
опять в полутьме подплывают, близки,
и слышится старому
шум вековечный —
немолкнувший голос
могучей листвы.

* * *

Как долги меж нами дороги!..
Не лишь зацветают сады,
стремлюсь в неизбывной тревоге
в те дали,
                                где светишься ты.

Как долги меж нами дороги!..
Я их одолел бы,
                                когда,
как горной преграды отроги,
не встали меж нами года.

Немыслимо лет повторенье,
и дней невозвратен прибой,
и это утекшее время
становится
                                нашей судьбой...

«И ЭТО ПРОЙДЕТ!»

«И это пройдет!» — мудрецы высекали на перстне,
грядущих утрат

наперед заклиная печаль.

«И это пройдет...» — шелестел самодержцу наперсник,
и ставил на прошлом

его золотую печать.

«И это пройдет!..»

Ибо, в сущности, смерть не тяжеле
паденья листвы. И лишь выпрямит рухнувший плод
согбенные ветви!..

И вникнете в суть утешенья,
когда, наконец-то,
действительно это пройдет.

«И это пройдет!»

Утопайте в беспамятстве неги,
быстрей заменяйте

ушедших друзей хоровод.

А если кого заменить, по несчастью, некем,
так повремените —

и в дружбе потребность пройдет!

«И это пройдет!»

Ни к чему убиваться, помилуй!
Пусть будет по-прежнему поступь бодря и легка:
пройтись,

оглядеться,

пошляться,

поездить по миру —

на прошлое глянуть

действительно издалека!

«И это пройдет!»

Устремленья, и юность, и слава,
и прочность надежды,

и вечная верность любви.

Живи бестревожно, оставь сожаления слабым —
и место забудь,
где ушедшие жизни легли...
Но время-то длится, и срок отведенный сосчитан.
Пусть небо — все то же,
и вертится так же земля,
но эти ушедшие жизни —
твои, а не чьи-то!..

Хотя и уполз ты
из сброшенных кож,
как змея.

Пока тебе кажется: вся эта речь не по теме,
ведь, жизнь прожигая, ты гордо вознесся над ней —
ты не замечаешь
своей тяжелейшей потери:
сознания сцепленности
всех предназначенных дней!

«И это пройдет...»
О коварнейшее утешенье!
О ложь объяснения,
где смысл-то — необъясним!..
Все вправду проходит,
но гляньте в себя:
неужели
так трудно увидеть —
вы тоже проходите с ним!..

Напрасно лелеять,
бессмысленно пестовать жалость,
когда, словно лодки,
о год ударяется год.

Но страшен мне тот,
в ком хоть коротко сердце не сжалось,
поняв иль почувствовав
некий конечный уход.

Припомнишь невольно
восторги невидали давней,
и край поднебесья,
что первым лучом подожжен,
когда, на закате,
шуршит листопад календарный
и нас осыпает
сухим и холодным дождем.

Чем пренебрежем,
  иль над чем посмеемся в запале —
в свой час неизбежный

  и нас постигает самих.

В конечном-то счете

  у тех только вечность в запасе,

кто жадно подсчитывал
каждый истраченный миг...

«И это пройдет...»

  О, конечно,

дорога конечна,
когда-то, как цепь, распадается дней хоровод.
Лишь преодоление

  оставит грядущему нечто,

когда, наконец-то,

  действительно это пройдет.

В ДЕРЕВНЕ, ГДЕ ПОХОРОНЕН БРАТ АХМАД

Добрый путь вам, о талые воды!..
Теплый ветер прошел кишлаком
и в садах, на дутарах природы,
свой весенний сыграл шашмаком.

Бродит юность твоя за домами,
не таи же лица, не таи!
Невесомо повисли туманы,
занавесили степи твои.

Там, где камни сгорали, как восходы —
край

    тобою расставленных вех.
Там твои непрожитые годы
всколосились пшеницей навек.

Ты — в бутонах, закрученных туго,
ты — в колосьях, воде.

Ты — везде.

Добрый ветер, что веет оттуда,
о твоей

    повествует весне.

Что мне маленький холмик могильный?

Смерть минует, как снег,

    как зима...

Ты — частица природы все сильной,

ты — живой,

    как природа сама.

Ни золото,
ни труб победных медь
тебя собою
        заменить не в силах,
и мир не может снова онеметь,
коль хоть однажды
сладость слов вкусил он.
Твоей печати с сердца не сотрут
ни ссылки,

        ни гонения,
                ни раны,
ни Астрабад, ни глубь сибирских руд,
ни каменный буран Шахимардана.
Ты недоступна для змеиных жал,
от злобного ты не увянешь крика,
поэзия!..

И одного мне жаль:
того,
        кому еще ты не открыта.

ПАМЯТИ РУССКОГО ДРУГА

Он один оставался. Один —
и вдвоем со своею Россией.
За ночь
        лег на нем снег седин.
Так поля ее заносило.
Он остался один — и пять
в стенке выщербленных фамилий,
Пять встававших опять,
        опять,
чье молчание не сломили.
Пять имен — точно пять знамен!
Пять повешенных.
Пять бессмертных.
(Их тела уже снег замел.
Их дела уже век заметил).
Он остался один.

        Да, прост
распорядок существованья:
снова пытки,
        еще допрос —
боль и боль
до границ сознания.
Лишь молчанью дано пронять
эту ярость убийц тупую!..
Что ж осталось еще?

        Принять
в полумертвое тело пулю —
и других от нее спасти,
чьи-то души и руки,
        те, что
смогут стронуть,
        творить,
        нести,

как дома, возводить надежды;
чей-то рот, что не будет мертв
и величье жизни восхвалит...

Так от жизни

он все возьмет.

И на это в нем жизни
хватит.

ЭКСКАВАТОРЩИК В ЗАРАФШАНЕ

В золотом раскаленном блистанье
горизонты пустые круша,
он срезает пласты за пластами,
и песчинки стекают с ковша.
И одна им владеет забота
и диктует приказы свои:
врыться,

        вгрызться в породу глубоко —
отыскать золотые слон.
Нет предела упрямым глубинам,
рядом горы угрозу таят.
Ширь карьера в сверкании дымном —
как невиданный амфитеатр.
Тронет ветра порыв резковатый
эти рыжие срезы пород,
и качнется, взревев, экскаватор
и подвинется снова вперед.
Здесь, под солнцем, и сталь загорела! —
но, руке повинуюсь, грызет —
и не смеет уйти из карьера,
тот, заветный,
не вскрыв горизонт...
И гляжу я, и видится снова
долгий путь, пронзающий дни:
добыванье заветного слова —
этой тяжелой работе сродни.
Та же сердцем владеет забота
и приказы диктует свои:
врыться в толщу глубоко,
глубоко —
и найти
золотые слон...

ДОМБРА

Опять домбра запела
под пальцами бахши,
и музыка задела
все десять струн души.
Поет зима о лете,
и грезит степь водой,
и все ветра столетий
шумят былой листвою,
и взрослые и дети
пришли на струнный той.

«Аман-аман,— поет домбра,—
желаю мира и добра,
аман-аман!»

«Еще в руках у дедов
такою я была,
превратностей отведав,
и радостей, и зла,
вопросов и ответов
слыхала без числа,
и вот на все на это
один ответ нашла:
аман-аман!»

Веселой речи мало,
чтоб гнать печаль с чела.
Я музыка!..

Чинара
мне матерью была.
Я в поле ночевала,
навстречу сече шла.
И с кем ни начинала —
всех до конца вела,
хоть золотом, чинами
дарить их не могла.

Аман-аман!»

«Во мне — веков усталость
от горя и от сеч.

Но сил еще осталось,
чтоб речи зла пресечь.

А что со мною случилось —
к чему об этом речь?

Ничто для песен старость,
а деревяшки — в печь!

Аман-аман, — поет домбра, —
вы молоды, а я стара,
аман-аман!»

«Страданьем, кровью, риском,
посевом лжи и зла,

рыданьем материнским
пресытилась земля.

Пусть хлебом, хлопком, рисом
заполнятся поля!

Аман-аман!»

«Богов на небе нету
и не было вовек.

Давно уже по небу
летает человек.

Не молнией проклятой,
не новой бедой,

не птицею крылатой —
высокою звездой!

Да будет мир нам
платой.

Со мною
каждый пой!

Аман-аман, — поет домбра, —
желаю мира и добра,
аман-аман!»

ЧАЙКИ НАД АРАЛОМ

Первобытная дикость Арала
скрыта толстой стеной камыша.
Ходит волн белогривых орава,
друг о друга разбиться спеша.
Суета и отчаянье чаек
возникают из воплей воды.
Чайки чуют беду — и не чают,
как укрыться от этой беды.
Вся поверхность под ними изрыта —
точно доброе поле
в войну.

И кричат они не из-за рыбы,
безрассудно садясь на волну.
В их метании жадности нету,
только страх в этих криках простой,
что безумье подымется к небу —
и обрушится в море

простор!

Вал прибоя, что катится строго,
подминая всю мелочь волны,
представляется им катастрофой,
постигающей мир
без вины...

Да! Вглядись —

и поймешь постепенно
каждой мелочи смысл большой.
Эти клочья крылатые пены
обладают смятенной душой.

Не для зависти,

жадности,

жира

занимается день на заре,
и не пищей единою живо

Все, что живо
на нашей земле.
Где-то к берегу ветер причалит,
что безумствовал,
рушил,
орал,
и на час очастливленных чаек
успокоит коварный Арал.
Но подыметя пенное войско —
снова
крики тревоги лови...
И за весь этот мир беспокойство —
навсегда
у живущих в крови.

СЛЕД КЕТМЕНЯ

Что твердить о детской нашей доле?
С первых лет —

разруха и война.

Так что наши детские ладони
тягот всех

изведали сполна.

Той поры и не сошла печать с них:
шрамы мы и нынче различим...

А растущий медленно хлопчатник
сызмала терпенью нас учил!

Книжностью мы не переболели —
и считать учились стороной:
на кустах коробочки белели,
пересчитанные до одной...

Как потом сверкали в шелестеньи
сотни белых мягоньких зарниц!

Право, наши детские постели
черными казались после них.

А когда мы взрослых подменяли
и любой

любую службу нес —

как мы управлялись с кетменями
ростом чуть не вдвое выше нас!..
Жизнь-то шла, летела.

И пока мы

к новым далям двигались, руля —
трактора сто раз перепахали
эти наши давние поля.

Поле детства — памяти основа!

Вот оно, опять окрест меня,

и, ей-ей, я различаю снова

Тот же, давний

след от кетменя...

* * *

Клетка делится, делится, делится...
Нету клетки, покончено с ней.
Родословное древнее деревце
не отыщет безвестных корней.
Но из мира ушедшее

снова

возникает в потомстве своем.
Так мы речи обыденной слово
в древнем тексте подчас узнаем.
Распадается доброе семя
в черной почве, в безвыходной мгле,
но зато

благодатною сенью

возникают сады на земле.
Так неужто распавшийся атом
этот вечный

не выдержит ритм

и не жизнью, не садом —
но адом
на планете себя повторит?..

* * *

Бесспорно могущество фактов.
Они безупречно правы,
как рвущая толщу асфальта
упрямая сила травы.
Растут, не считаясь ни с кем и
ломаю деленья шкалы.
Взрывают предвзятые схемы,
как пар под давлением —

котлы.

Но стоит им сбиться со счета,
из ряда ли выскочить вон —
является ложное что-то
в могуществе их роковом.
Как будто, порядок нарушив,
бредя у войны на задах,
хвастливо бряцает оружием
отставший от войска солдат.
Гремят одинокие факты
бесплодной своей правотой,
и пошло глумятся, как фаты,
над истины
снежной фатой...

* * *

Смерть не то, что
мним в томленье:
смерть не точка —
отправленье
в перелет
за сотни лет,
сотен судей
говоренье,
в сотнях судеб
повторенье...
Смерть — движенье!
Смерти — нет.

* * *

Нет, минувшее не исчезает.

Вспоминаю,

тревожусь,

ищу.

Небо времени так лучезарно,

а живешь — будто теплишь свечу.

Разве мир изготовлен и сверстан

по примеру плохих повестей,

где одни только желчь и довольство

управляют природой вещей?

Стыдно тешиться жалким сияньем,

бремя мелких успехов влача,

перед светом эпохи — слинянем

отражения и луча.

* * *

В чем недвижность? В оси жерновов.
Где покой? Только в центре вращения.
А кругом — скоростей наращенье!..
И в любви
        этот фокус не нов.

Так вираж ее сладостно крут,
круг вращения
        так жадно назойлив!..
И покуда покой в твоём взоре —
все кружит беспокойно вокруг.

ВЕЧНОСТЬ

Даже лучшие песни не вечны:
завершаются их времена.
Умирают и реки и речки,
раздарив себя людям сполна.
Ведь и звезды судьба низводила
с небосвода

к последней черте,
и могучие гасли светила,
распыляясь в глухой черноте.
Что же слава?

Напрасная прибыль!..

Чьи под небом

огни ни висят,
как высоко
иной ни парил бы —
в ту же землю вернется назад!
И без страха
бесценные годы
на труды неприметные трать,
в безымянных обличьях природы
возрождаясь

опять и опять.

* * *

Словно близится срок
                                в предзакатном дыму,
словно сердце предвестьем задето.
Сколько скопленных строк
                                унесу я во тьму,
так вовек и не видевших света!
Сколько песен неспетых с собой я возьму —
улетевшие чувства и лета! —
сколько мыслей, неожиданно блеснувших уму
и до срока отложенных где-то...
То, что спето —
                                наверное, с кем-то в пути.
Остальному — уйти ли без слова?
Нет, в иной оно,
                                в новой родится груди —
словно сам я
                                вернусь сюда снова...

СЕСТРА БЕССМЕРТЬЯ

Вот и снова дорогою прежней
ты по медленной Волге плывешь...
О, как стар этот мир прибрежный!
Но в открытости этой небрежной
как по-прежнему юн и хорош...
Или вправду — нам вечность навстречу,
все столетья вобравшая сплошь?
Освещают березы, как свечи,
берегов всероссийское вече,
меж которых ты

в завтра плывешь...

И в картинах, струящихся мимо,
тех времен ощутительна связь.
Это Волга Россию вскормила,
и надежда великая мира
здесь, у волжской воды, родилась...
Все мы — мудрости ленинской дети.
Не с того ли на долгом веку
так пейзажи мне помнятся эти?
И, живя в моем древнем Ташкенте,
я на волжском живу берегу!
Слышу, слышу твой голос турбинный!
Как обилье земное, щедро,
ты нам мудрости даришь глубины,
ты ведешь нас дорогой единой,
Волга, Волга —
бессмертья сестра!

АРМЕНИИ

О Армения,
вечно
моря нас с тобой разлучали -
два безбрежные моря
издревле меж нами легли;
и седины Масиса
едва мы вдали различали,
и Месропа письмен
мы вдали разобрать не могли.
Был твой облик не виден
за дымом клубящимся
ратным,
длинной песней тоски
был твой стон
по долинам разлит.
Только ветер залетный
приносил нам
с лозы Арарата
свежесорванный —
вянущий, трепетный лист.
Твою землю топтали
косматые недругов кони.
Погибали побеги.
И сад твой рубили
и род.
Но остались в земле опаленной
могучие корни,
и в Гербе возродилась
лоза,
показала
невиданный рост...
И висят на ней гроздья,
янтарная, пряная россыпь —

их не то что сорвать,
к ним уже прикоснуться
ты рад...
И блистают в листве
самоцветами
ранние росы,
и бегущие реки
могучую песню творят.
И в напевах тех песен
мне слышен наш предок,
наш прадед —
тот, что видел еще,
как Ширин
обнимает Фархад.
Да, была в наших судьбах
единая, общая правда —
правда тех,
кто выращивал сад,
строил город
и землю пахал.

Нынче короток путь,
караваны когда-то
томивший.
Даль морская теперь
никого не страшит, не дивит.
И я вижу:
в столетьях,
одною тропой с Алпамышем
на жестокую битву
Сасунский шагает Давид.
Оба разом
они
подымают могучие руки,
перед ними стеной
возвышается общее зло,
и ударят они,
и их недруг злокозненный рухнет.
под ударом могучим
на землю падет тяжело.

И летят надо мной
пышноперые птицы сказаний,

и крылом задевают,
и вслед за собою
зовут,
и сулят вдохновенье...
И я узнаю в Аразане
очертанья твои,
о Семург!
Да и осень сегодня
склонилась над нами
такая —
как и наша, узбекская,
так же щедра и красна...
И смотрю я, смотрю:
у прядильщицы Ленинакана
так знакомо
мерцают глаза!
И кипят мои чувства,
и полнят мне грудь,
и в итоге,
как снежинка к снежинке,
к стиху прилепляется стих,
вот и песня готова,
и в горле трепещет,
и только
одного я хочу:
мне
до вас бы ее донести!

БУДДА

Смотрю на бронзового Будду,
на безмятежное чело,
такое гладкое, как будто
над ним веков не протекло.
Смотрю на бронзового Будду,
а он собою полон весь,
как бы твердя:

«Я был — и буду,

я мир — и мысль,

я там — и здесь...»

К нему стекаются дороги,
а он, вне брани и хулы,
на животе скрестивши руки,
внушает им:

«Вот — пуп земли!..»

Да, люди издавна умели,
спустясь на землю с облаков,
из камня, дерева и меди
себе выдумывать богов.

Они мечтали и старались,
и для души и для стола,
чтоб эти боги оставались,
когда исчезнут мастера...

С вершины собственного века
смотрю, тем знанием богат,
с такою верой в человека,
какой

не видывать богам!

* * *

Я думаю о вечности мечты —
и холод мне оковывает душу,
как космонавту, что скользнул наружу,
в безмерную, невысказанную стужу,
в молчание предвечной черноты.

Не всем дано презренье той черты —
и я его в себе не обнаружу.

Опоминаясь, я гляжу назад,
на эту землю, этот дивный сад,
на чудом уцелевшую планету,
где бродят дети и плоды висят,
где в старой сказке внуки вторят деду
и носит крылья сказочный Гырат,
где бабочки выпархивают к свету —
и кружатся,

покуда не сгорят...

НЕИЗВЕСТНЫЙ СОЛДАТ

Подвиг — не зрелище.
Подвиг — безвестная битва,
у которой свидетелей нет
и ты остаешься один
в окопе,
на лодке, затерянной в море,
перед лицом работы,
которую
невозможно ни с кем разделить,
перед безумием быта,
перед смертным кошмаром болезни,
наедине
с долгом или бедой...

Подвиг — он, как заря,
что рождается за горизонтом,
когда незримое солнце
совершает свой труд созидания дня,
но сгорающий диск
еще никому не виден,
и только свет
уже разгоняет тьму.

Понимают ли это
те,
что идут сегодня с цветами
к вечному пламени
над неизвестной могилой?
Всякий подвиг безвестен.
Он не зрелище,
он невидимое сражение.
Рано нль поздно —
Каждый из нас
Неизвестный солдат.

СОДЕРЖАНИЕ

3	День
5	След руки
7	Все на свете имеет меру
8	Костер
9	В вагоне
10	Тишины!
11	Как закон тяготенья
12	Упало яблоко
13	«Чьи-то судьбы примеривши к нашей...»
14	Песня
15	«Не все в стихах должно быть просто...»
16	*Водоем
17	«Выигрывает стих от повторенья...»
18	*Утро на джейлау
20	Лунная соната
22	Вечный огонь
25	«Ночь коротка — как восклицанье...»
26	«Идет великая вода...»
27	Рубаб
28	«Соловей замолчал...»
29	«За отчаянным морем разлуки...»
30	«Скрипит арба, крылами птица машет...»
31	«Оттого, что песня так грустна...»
32	«О, эта тишь перед рассветом...»
33	«Вот след руки, точно плуга след...»
34	«Неловкое слово, как пуля шальная...»
35	*Звуки
37	О тебе я думаю
38	*«Кто дорогу тебе перешел...»
39	*Лишь бы знать мне
41	*Салон
43	*Девочка в Бутакаре
45	«Когда я смолоду гадал...»

- 47 «Размыта ветром тишина...»
 48 Помолчим
 49 *Ветер
 54 *«В любви к земле не разуверит...»
 55 *«Порой мне хочется рискнуть...»
 57 *«Малого — мало, а многому — нету грани-
 цы...»
 58 *Рождение
 59 *Степной вечер
 60 Лыжня
 62 *«Какие дни! — Опять весна...»
 64 Ночь
 66 «Последний луч зари...»
 68 *«Тяжкое — долгие вдавит следы...»
 69 *«Где вы странствуете...»
 71 *Сосед
 72 *«Контур стройки высок за окном...»
 73 *В степи
 74 *Осень
 75 *Сумерки
 77 *«Над твоими просторами, родина...»
 78 *Родина
 80 «И создали речь — чтоб отныне сама...»
 81 «Нет, я не спал...»
 82 «А жена твоя знает...»
 84 Руставели
 86 Серп и молот
 87 В полночь я ложусь
 88 Маленьким был я...
 90 *Дороги на фабрику
 92 *Имя
 94 Мать мне сердце подарила
 95 *Время
 98 *Миндаль на школьном дворе
 99 «Прощанья — памяти причалы...»
 100 «Так многое я в жизни упустил...»
 103 Ленинский образ
 104 *«Вечность и век...»
 106 *Полет
 108 *В забое
 110 *«Как белый свет сливает все цвета...»
 111 *Детство
 113 *С новым счастьем

114	*Осенний лист
116	*«Как долги меж нами дороги...»
117	*«И это пройдет!»
120	*В деревне, где похоронен брат Ахмад
121	Поэзия
124	Памяти русского друга
126	Вечер над Днепром
127	*Экскаваторщик в Зарафшане
128	Домбра
130	Чайки над Аралом
132	*След кетменя
133	«Клетка делится, делится, делится...»
134	«Бесспорно могущество фактов...»
135	«Смерть не то, что...»
136	«Нет, минувшее не исчезает...»
137	*«В чем недвижность. В оси жерновов...»
138	*Вечность
139	*«Словно близится срок...»
140	*Сестра бессмертья
141	Армении
144	Будда
145	*«Я думаю о вечности мечты...»
146	*Неизвестный солдат

АСКАД МУХТАР * СЛЕД РУКИ

Книга стихов

Перевод с узбекского

Редактор *А. Липкина*
Художественный редактор *И. Кириакиди*
Технический редактор *Э. Саидов*
Корректор *Э. Саидова*

ИБ № 1974

Сдано в набор 5.06.80. Подписано в печать 24. 12. 80.
Формат 84×100,32. Бумага мелованная. Школьная гар-
нитура. Высокая печать. Усл. печ. л. 7, 41. Уч.-изд. л.
5,41 + 0,58 вкл. Тираж 5000. Заказ № 319. Цена 1р. 60 к.
Издательство литературы и искусства имени Гафура
Гуляма. 700129. Ташкент, ул. Навои, 30.

Типография №1 Ташкентского полиграфического про-
изводственного объединения «Матбуот» Государствен-
ного комитета УзССР по делам издательств, полигра-
фии и книжной торговли. Ташкент, ул. Хамзы, 21.

Уз
М 92

Мухтар, Аскад.

След руки: Книга стихов /Авториз. пер. с узб. А. Нисомова.— Т.: Изд. лит. и искусства, 1980. — 152 с.

_____

Уз2

М 70403—229
М352 (04)—80 119—80 4702570200

Новый сборник стихов узбекского поэта Аскада Мухтара включает не только новые его стихи, но и лучшее из того, что было издано раньше.

О чем бы ни были стихи поэта — о любви, о матери, о поэзии, о Времени, о сегодняшней жизни в разнообразнейших ее проявлениях, — они не повторяют уже сказанное на эти «вечные темы».